

Вот вам телеграмма!

Восемьдесят лет назад Джордж Кеннан в послании в Госдеп описал российский политический режим — в прошлом, настоящем и будущем

Джордж Кеннан. Фото: FPG

09:53, 21 февраля 2026,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

Старый анекдот. Приходит телеграмма: «Начинай беспокоиться. Подробности письмом». 42-летний сотрудник посольства США в Москве Джордж Кеннан соединил в своем знаменитом тексте, надиктованном в лежачем положении (так ему лучше думалось) и затем переданном 22 февраля 1946 года из шифровальной комнаты на Моховой улице в Госдеп, телеграмму и письмо.

Вроде бы всего лишь ситуативный анализ, стимулом для которого стало выступление Сталина в Большом театре 9 февраля, где тиран обозначил самодостаточность Советского Союза, неожиданно оказался долгосрочным прогнозом. Настолько долгосрочным, что основные тезисы «длинной телеграммы» заново обрели актуальность еще до спецоперации, не говоря уже о последних четырех годах.

Текст Кеннана был отправлен незадолго до Фултонской речи Черчилля, от которой принято отсчитывать начало холодной войны, и ответов Сталина газете «Правда» (союзники хотят «заменить господство гитлеров господством черчиллей»). То есть вовремя — его читали все, от министра военно-морских сил США Джеймса Форрестала до президента Гарри Трумэна. От «длинной телеграммы» отсчитывают начало реализации доктрины сдерживания, хотя это понятие было сформулировано Кеннаном в июле 1947 года в статье «Истоки советского поведения» для Foreign Affairs за подписью Х.

Эту концепцию каждый американский президент трактовал на свой лад. Включая Трампа, который заявляет, что Гренландия ему нужна для «сдерживания» Китая и России. Последующие работы Кеннана показали, что он сам очень осторожно использовал собственную концепцию, настаивая на

рациональности во внешнеполитических шагах. Но в то же время разделял понятия containment — «сдерживание» и appeasement — «умиротворение»: сдерживание — это не умиротворение.

Сдерживание было основано в том числе на идее, согласно которой самоедский автократический режим рано или поздно помрет сам, а надо только жестко, но не переводя дело в стадию горячей войны, сдерживать его

(по большому счету в долгосрочной перспективе, к концу 1980-х, так и случилось).

В «длинной телеграмме» Кеннан, влюбленный в Россию и считавший, что мировоззрение власти «не является естественным для русского народа», развил свои давние мысли о советском режиме. Еще в 1937 году он писал о том, что «в соответствии с теориями, которые лежат в основании советского государства, весь внешний мир является враждебным и ни один иностранец не заслуживает доверия». Он и до этого, начиная с самых ранних лет своей дипломатической службы, весьма проницательно оценивал характер сталинской политики, а посла США Аверелла Гарримана, имевшего прямую телефонную линию с тираном, предупреждал о том, что Сталин никогда не прекращал вести политику «в терминах сфер влияния».

Запад и сталинский СССР перешли к практической конфронтации в 1947-м. Доктрина Трумэна была провозглашена в марте этого года («мы должны помогать свободным людям формировать свою собственную судьбу так, как им самим

хотелось бы»), затем настал черед плана помощи Европе («план Маршалла»). Сталин просто проглядел превращение Соединенных Штатов в сверхдержаву, сосредоточившись на «черчиллях».

Столкнувшись с такого рода решительными шагами США, генералиссимус во время своей встречи с Джорджем Маршаллом в апреле 1947 года заговорил о возможности компромиссов. Но лишь убедил нового государственного секретаря США в том, что они более невозможны. «Сталин зарвался, отстаивая свою позицию, — писал Генри Киссинджер в книге «Дипломатия». — Ибо никогда не понимал психологии демократических стран, особенно Америки. Результатом стал «план Маршалла», Атлантический пакт и наращивание Западом военных потенциалов».

Разговор с дьяволом

Джордж Кеннан при всей своей почти философской глубине и тонком понимании России — такой же реалист, как и Киссинджер или Бжезинский. Вот образец предельной прагматики в помощь мягкому сдерживанию с элементами вовлечения противоположной стороны в сотрудничество.

Джордж Кеннан в аэропорту Берлина. 1952 год. Фото: AKG Images / East News

В сентябре 1973 года Кеннан в письме Генри Киссинджеру в связи с назначением его госсекретарем выражал недовольствие чрезмерной активностью Александра Солженицына и Андрея Сахарова и их апелляциями к помощи и реакции США: с его точки зрения, чрезмерная критика советского режима подрывала хрупкие основы разрядки международной напряженности, положительного вектора в развитии отношений брежневского СССР с Соединенными Штатами и в целом западным миром. Цинизм? Нет — расстановка приоритетов. В таком представлении детант был важнее внутренней ситуации с правами человека и цензурой в Советском Союзе, потому что помогал избежать ядерной войны.

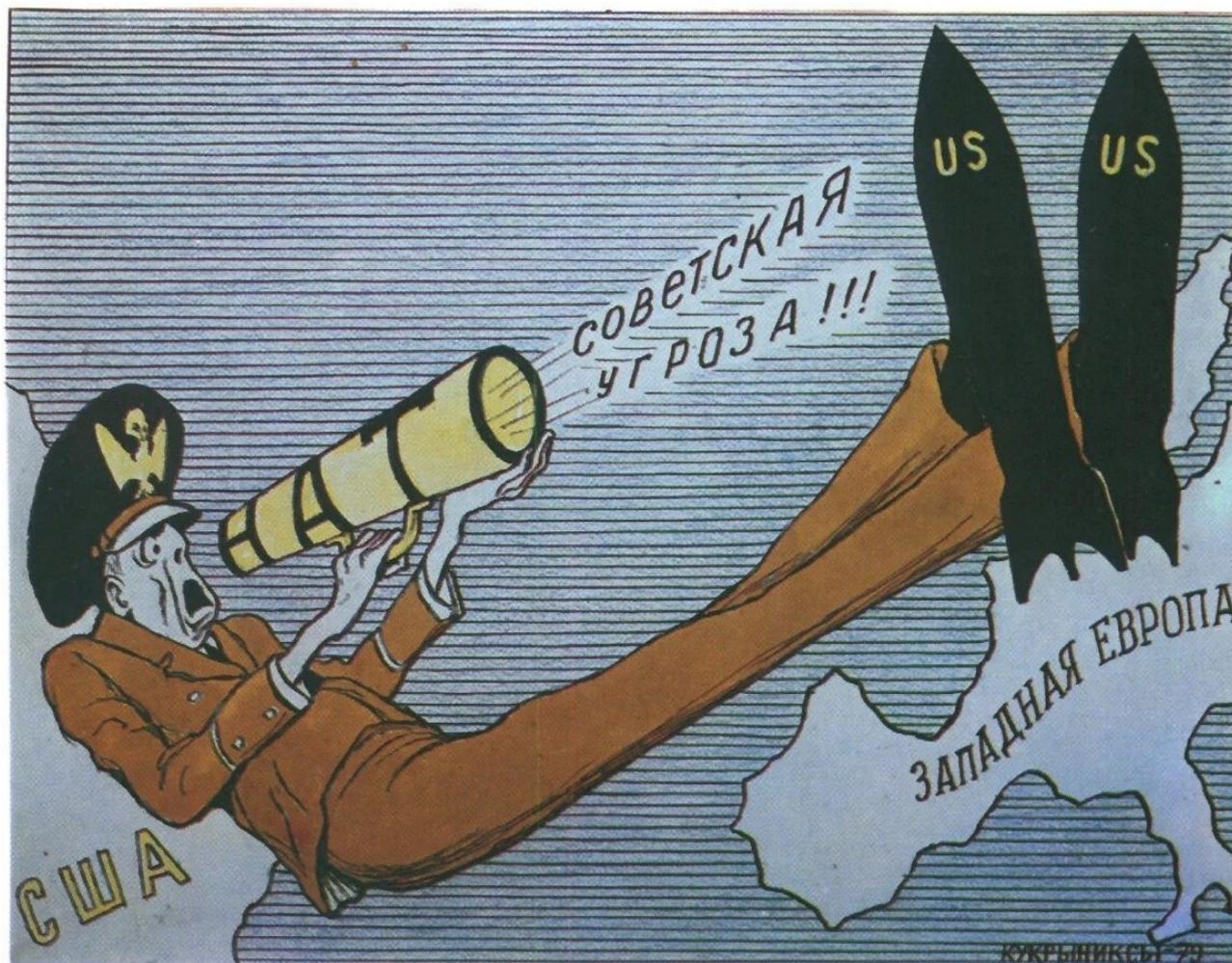
В такой же логике классик американской внешней политики, уже будучи 91-летним патриархом, относился к расширению НАТО на Восток. Кеннан всю плешь проел ближайшему

советнику президента Билла Клинтона и заму госсекретаря Стробу Тэлботту (известному публикацией мемуаров Никиты Хрущева и вообще основательным знанием России), настаивая на отказе от продвижения альянса в восточном направлении, потому что оно разжигает антизападные настроения.

Тэлботт отчасти понимал аргументы Кеннана, но в практической политике администрация США не могла не учитывать и позицию восточноевропейских и балтийских стран, для которых альянс, как и ЕС, были якорями, обозначавшими принадлежность западному миру, и гарантией безопасности на тот случай, если в России после Бориса Ельцина к власти придет авторитарный лидер.

Можно назвать это дилеммой Клинтона-Тэлботта: отказаться от расширения невозможно, потому что оно является антидотом на случай возвратного авторитаризма в России, но в то же время именно прием в НАТО бывших стран Восточного блока может запустить механизм реализации такого сценария.

У Кеннана не было никаких сомнений в том, что эффект движения Альянса на Восток окажется катастрофическим. Спустя более полувека после «длинной телеграммы» он подготовил статью для *The New York Times*, о чем честно предупредил Тэлботта. Она увидела свет 5 февраля 1997 года под заголовком «A Fateful Error» — «Роковая ошибка».

Виновниками конфронтации в Москве считали именно США

Аргументы классика совпадали с позицией ельцинской стороны: «Расширение НАТО стало бы самой роковой ошибкой американской политики за всю послевоенную эпоху. Можно ожидать, что такое решение приведет к усилению националистических, антизападных и милитаристских тенденций в российском общественном мнении, негативно скажется на развитии российской демократии, вернет в отношения между Востоком и Западом атмосферу холодной войны и направит российскую внешнюю политику в сторону, которая нам явно не по душе».

Сдерживание по-кеннановски означало и самосдерживание американской стороны. В 1944 году, как писал тот же Строб Тэлботт в книге о выдающемся американском дипломате Поле Нитце «Магистр игры», Кеннан, находясь по делам в США, случайно встретился в поезде с Нитце, которого три года спустя

пытался предложить в качестве своего зама в отделе политического планирования Госдепартамента, а впоследствии получил непримиримого оппонента по самым важным вопросам внешней политики.

Эти два человека, оказавшие существенное влияние на внешнеполитический курс Соединенных Штатов, в ходе того разговора в поезде, почти за два года до «длинной телеграммы», сошлись в реалистическом понимании будущего: никаких союзнических отношений со сталинским СССР по окончании войны не будет, западный мир получит в лице Советского Союза главного врага. В последующие годы позиция Нитце сводилась к тому, что США должны наращивать свою военную мощь, чтобы уравновешивать СССР, Кеннан, напротив, настаивал на том, что мир сможет избежать катастрофы, только если две сверхдержавы станут договариваться о контроле над вооружениями.

В практической политике в конце 1940-х, тем более с тех пор, как Нитце заменил Кеннана на посту главы отдела политического планирования Госдепартамента, победила позиция, согласно которой Америка не должна была заниматься самосдерживанием. Ставший в 1949 году госсекретарем Дин Ачесон встал на сторону Нитце: «Как вы можете убедить параноидального противника разоружиться, используя свой пример?» Правда, именно такой тактики впоследствии придерживался Пол Нитце, когда вел переговоры с СССР о договоре о ракетах средней и меньшей дальности, и вошел в историю благодаря «блужданию в лесу» со своим советским коллегой Юлием Квицинским в попытках достичь компромисса.

Все эти эпизоды из разных периодов истории XX века показывают особенности политической позиции Кеннана и его веры в объективную и иногда субъективную сдержанность Советского Союза даже в эпоху позднего Сталина — во всяком

случае, политический гуру не верил в то, что советский тиран может начать войну, а раздел Европы на сферы атлантического и сталинского влияния считал неизбежным и не самым худшим вариантом развития событий после Второй мировой войны. В 1950 году, по замечанию журналиста Дэвида Хэлберстама в его знаменитой книге о корнях Вьетнамской войны «Лучшие и блестящие», Кеннан считал, что люди в администрации, занимающиеся национальной безопасностью, «преувеличили амбиции Советов в Западной Европе и способность НАТО их остановить».

«Торжественное подписание Атлантического пакта» глазами Ю. Ганфа

Для понимания позиции Кеннана важен эпизод, когда он снова не был услышан, и надо признать, что игнорирование его аргументов стоило Соединенным Штатам постепенного вовлечения в многолетнюю Вьетнамскую войну. Кеннан

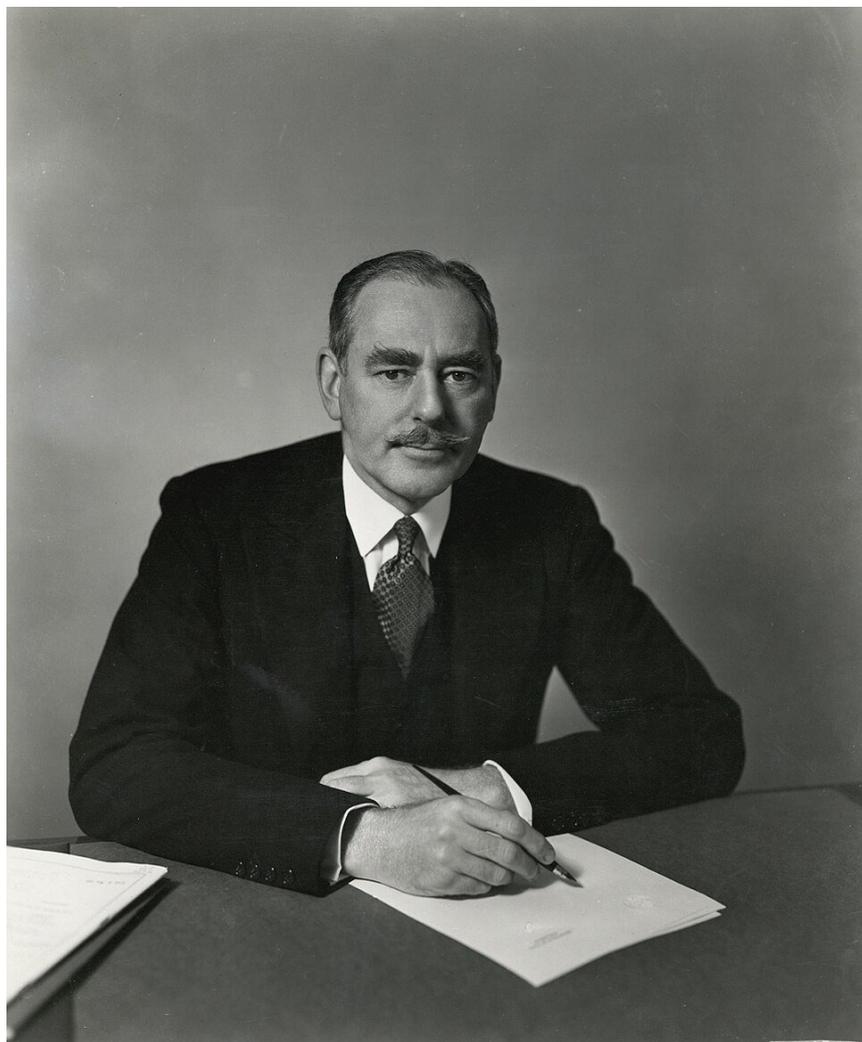
написал меморандум Дину Ачесону, в котором, согласившись с позицией своего сотрудника, специалиста по Китаю Джона Пэтона Дэвиса, предостерегал от вмешательства в дела Индокитая.

Кеннан утверждал, что оно не может быть успешным, что угроза балансу сил в мире в случае прихода коммунистов к власти во Вьетнаме преувеличена, что коммунизм — лишь ширма, гораздо важнее и влиятельнее националистические силы, что, цитирую Хэлберстама, «многие из этих сил просто неподконтрольны нам, и, пытаясь их контролировать, мы не только не можем повлиять на них, но и способны, по сути, обратить их против нас самих». Меморандум Кеннана был проигнорирован, и Соединенные Штаты заменили в Индокитае Францию в бесплодной, многолетней, кровавой войне.

Кеннан был последователен. Например, в 1963 году в интервью журналу Look он утверждал: «Мы должны быть готовы к разговору с самим дьяволом, если он контролирует существенную часть мира».

Подходят ли аргументы Кеннана к нынешней эпохе? Безусловно, Владимир Путин хотел бы раздела мира на сферы влияния (реалии, которые Кеннан готов был учитывать). Но такая логика предполагала бы рациональность лидера (когда Путин пришел к власти, Кеннан надеялся на нормальное развитие России), а в действиях автократа такая рациональность отсутствовала.

Если еще раз вчитаться в колонку «Роковая ошибка», то мы увидим, что Кеннан допускал проблемное развитие событий. Тогда у власти был Ельцин, а не Путин, это, что бы кто ни говорил, две большие разницы. Но Кеннан, в духе своих самых знаменитых работ, говорил в целом о «русских», «которые обнаружат, что их престиж (а он для них всегда самое важное) и интересы безопасности окажутся подорванными».

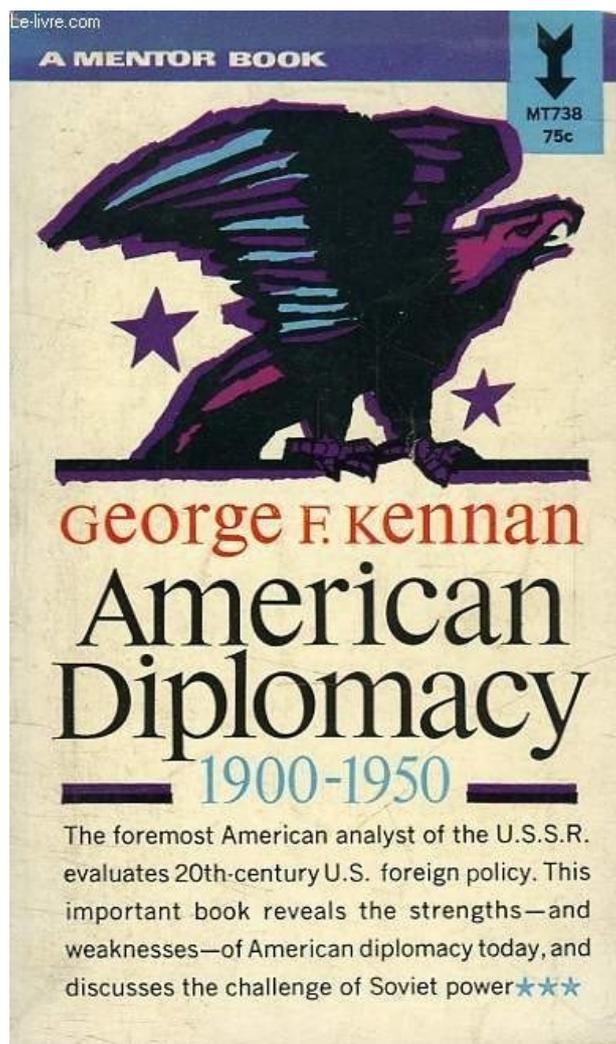
Дин Ачесон. Источник: Википедия

Едва ли Кеннан мог предположить, что произойдет 24 февраля 2022 года, скорее, его логика подсказывала появление Путина образца Мюнхенской речи 2007 года, но сохраняющего сдержанное и прагматическое видение мировой системы и мировых событий.

Это политическая часть проблемы, где возможны различные версии и спекуляции по поводу адекватности позиции Кеннана в контексте сегодняшних экстраординарных обстоятельств. В идеологическом и историческом смысле анализ Кеннана совершенно не устарел, и к нему приходится обращаться, чтобы, перефразируя название знаменитой кеннановской статьи «Истоки советского поведения», разобраться с the sources of Putin's conduct, «истоками путинского поведения».

Мистер Икс

Статья «Истоки советского поведения» была включена в качестве главы в книгу Кеннана «Американская дипломатия. 1900–1950», изданную в 1952-м; там же была републикована еще одна важнейшая статья, 1951 года, из *Foreign Affairs* — «Америка и будущее России». Обе они суммируют политическую философию Кеннана, актуальную с точки зрения объяснения действий Кремля и его исторически обусловленной идеологии.

Обложка книги

Однако идеальное саммари выводов Кеннана, впервые появившихся в «Длинной телеграмме» 1946 года, а затем отшлифованных в двух статьях для *Foreign Affairs*, содержится в его небольшой работе, опубликованной десятилетие спустя, в 1960 году, — «Советская внешняя политика. 1917–1941». Он пишет о проблемах, создаваемых «русскими» «самим себе» и связанных с самой сутью режима, чья «основная мотивация» —

сохранение власти: идеологические предубеждения против Запада, жестокость внутри страны, традиционно присущее России чувство подозрительности и незащищенности по отношению к внешнему миру «и, прежде всего, культивирование во внутривнутриполитических целях мифа о враждебном внешнем окружении».

Все это присутствует и в сегодняшней политической линии: «Чтобы оправдать диктатуру, без которой они (*советские руководители*. — А. К.) считали невозможным сохранить власть внутри страны, они не стеснялись изображать внешний мир более враждебным и угрожающим, чем он был на самом деле, и относились к нему соответствующим образом. Тем самым они не только обременяли себя мнимыми тяготами, не существовавшими в действительности, но и провоцировали реальные страхи и недовольство, которые в противном случае не существовали бы вовсе».

В статье «**Америка и будущее России**» Кеннан погружался в психологические глубины советской системы и — пророчески — нынешней кремлевской: «Ни одна правящая группа не любит признавать, что она может управлять, исключительно считая народ преступником и обращаясь с ним соответствующим образом. Поэтому всегда существует тенденция оправдывать внутреннее угнетение, указывая на угрожающее зло внешнего мира. А внешний мир в этих условиях должен быть представлен как предельно злой — злой до карикатурности».

Кеннан продолжает: «Не может быть подлинной стабильности в любой системе, которая основана на зле и слабости человеческой природы, которая пытается жить за счет деградации человека, питаясь, как стервятник, его тревогами, его способностью к ненависти... Только люди с глубоким чувством личной несостоятельности могут найти удовлетворение в том, чтобы делать с другими те вещи, которые всегда связаны с такой системой».

В «Истоках советского поведения» Кеннан подчеркивает, что «советские руководители, пользуясь вкладом современной техники в искусство деспотизма, решили вопрос о повиновении населения». Что создает внутреннюю основу для продолжения внешних враждебных действий — «русские готовы к бесконечной дуэли». Отсюда и самый знаменитый вывод в истории не только американской, но и мировой внешней политики: «...главным элементом любой политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза должно быть долгосрочное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание российских экспансионистских тенденций».

Даже во время дружбы Ельцина и Клинтона Кеннан допускал проблемное развитие событий. Фото: Александр Сенцов, Александр Чумичев / ТАСС

Но вот что важно: в статье «Америка и будущее России» Кеннан действительно задумывается об отдаленных перспективах Советского Союза (России) в эпоху после «сдерживания». Он напоминает, что тоталитаризм не национальный феномен, что им может быть заражена любая нация, не только российская,

что «всегда будут существовать области, в которых тоталитарному правительству удастся отождествить себя с народными чувствами и чаяниями». Он пишет даже о том, что нельзя забывать о «величии народа России» и необходимо смотреть на «трагедию России как частично нашу собственную трагедию, на народ России как на наших товарищей и в долгой и тяжелой битве за более счастливую систему человеческого сосуществования».

«Мы можем искать... такую российскую власть, которая, в отличие от той, которую мы знаем сегодня, была бы толерантной, коммуникабельной и откровенной в отношениях с другими государствами и народами» — такую власть нашли при Михаиле Горбачеве и Борисе Ельцине. А затем Россия вернулась в привычный мир «длинной телеграммы».

Свое сообщение 22 февраля 1946 года, 80 лет тому назад, Джордж Кеннан заканчивал предупреждением Соединенным Штатам, как мы понимаем сегодня — совсем не пустым: «Мы должны сформулировать и представить другим странам гораздо более позитивную и конструктивную желательную картину мира, чем та, которую мы представляли в прошлом. <...> Наконец, мы должны иметь мужество и уверенность в себе, чтобы держаться за свои собственные методы и представления о человеческом обществе. Ведь самая большая опасность, которая может нас подстергать при решении проблемы советского коммунизма, заключается в том, что мы позволим себе стать такими же, как те, с кем мы пытаемся справиться».

P.S. В советских, а затем уже и в нынешних российских традициях — зеркалить супостата. Например, встретился Трамп с пятью президентами центральноазиатских государств — и тут же Путин устраивает грандиозный прием казахстанскому лидеру Токаеву в Москве, а затем

отправляется в Кыргызстан. Наложил Трамп лапу на нашего друга Мадуро — российский президент демонстративно звонит бразильскому лидеру (хотя логичнее — мексиканскому), а затем в речи перед иностранными послами обещает помогать Кубе «отстаивать свой суверенитет и независимость». Так произошло и с меморандумом Кеннана, который в Кремле, разумеется, прочли (кстати, Сталин хвалил русский язык американского дипломата, что, впрочем, потом, когда Кеннан стал послом, не помешало объявить его персоной нон грата). Молотов дал поручение послу СССР в США Николаю Новикову сочинить аналогичную телеграмму. Что и было сделано к сентябрю 1946-го. В советском документе говорилось и об «империалистических тенденциях американского монополистического капитализма», и о стремлении к «мировому господству», и о спайке между Америкой и Англией, и в противоречии с этим тезисом — об их скверных отношениях (Сталин упорно считал, что капиталистические страны между собой будут конфликтовать), а главное — о готовности США воевать с СССР. В отличие от телеграммы Кеннана, это было коллективное творчество ряда товарищей, включая Молотова. Спустя год Новиков был отозван из Вашингтона — есть версия, что он-то как раз не разделял тезис о стремлении Штатов начать войну с Советским Союзом. За что и поплатился дипломатической карьерой.

DEPARTMENT OF STATE
INCOMING TELEGRAM

INFORMATION COPY
ACTION MUST BE ENDORSED ON ACTION COPY

PEM-K-M
No paraphrase necessary.

8963
Moscow via War
Dated February 22, 1946
Rec'd 3:52 p.m.

ACTION: EUR
INFO: ~~SECRET~~
S
U
C
A-B
A-C
A-D
SA
SPA
UNO
EUR/X
DC/R

Secretary of State,
Washington.

511, February 22, 9 p.m.

Answer to Dept's 284, Feb 3 involves questions so intricate, so delicate, so strange to our form of thought, and so important to analysis of our international environment that I cannot compress answers into single brief message without yielding to what I feel would be dangerous degree of over-simplification. I hope, therefore, Dept will bear with me if I submit in answer to this question five parts, subjects of which will be roughly as follows:

- (One) Basic features of post-war Soviet outlook.
- (Two) Background of this outlook.
- (Three) Its projection in practical policy on official level.
- (Four) Its projection on unofficial level.
- (Five) Practical deductions from standpoint of US policy.

I apologize in advance for this burdening of telegraphic channel; but questions involved are of such urgent importance, particularly in view of recent events, that our answers to them, if they deserve attention at all, seem to me to deserve it at once. HERE FOLLOWS PART ONE: BASIC FEATURES OF POST WAR SOVIET OUTLOOK, AS PUT FORWARD BY OFFICIAL PROPAGANDA MACHINE, ARE AS FOLLOWS:

(A) USSR still lives in antagonistic "capitalist encirclement" with which in the long run there can be no permanent peaceful coexistence. As stated by Stalin in 1927 to a delegation of American workers:

P. W. S.

«Длинная телеграмма» Кеннана. Фото: архив

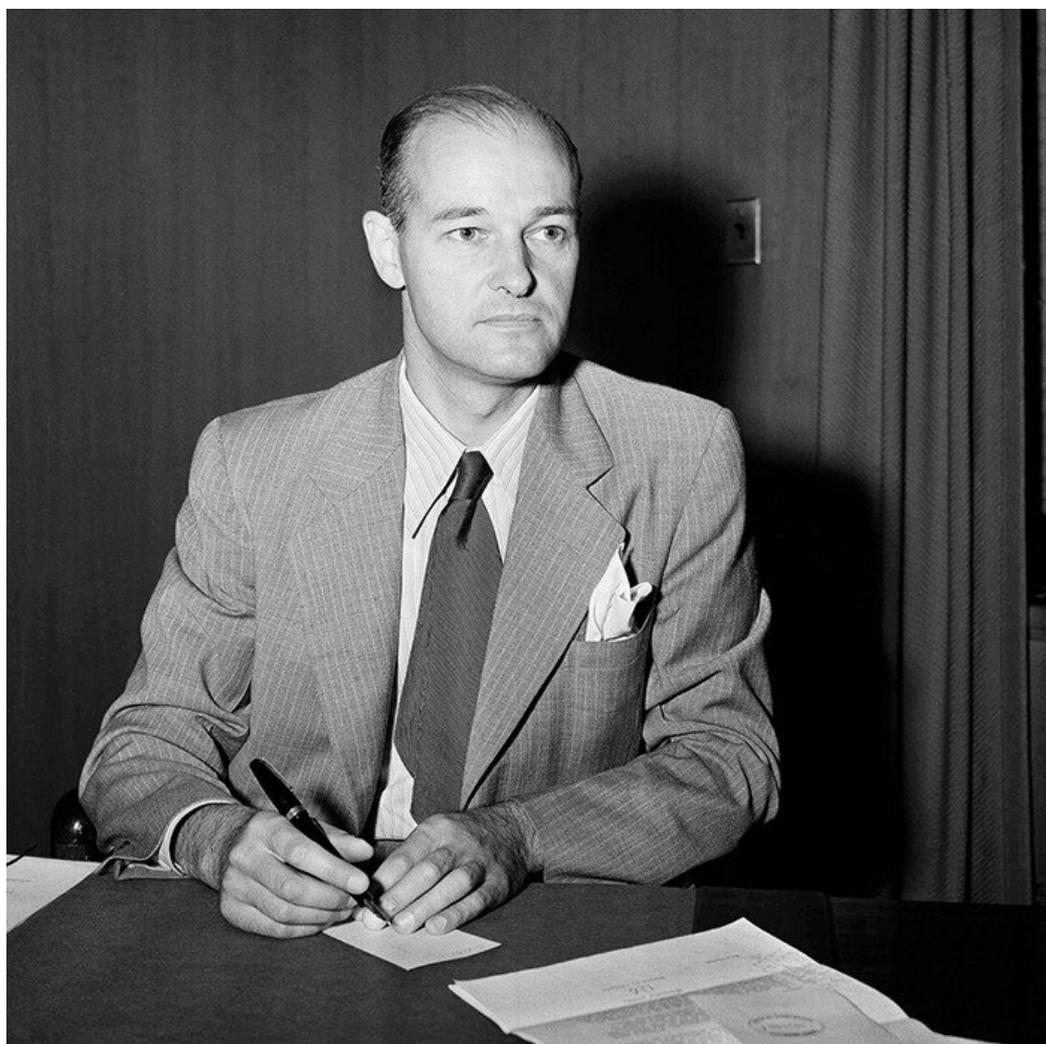
«Длинная телеграмма». Фрагменты

<...> Перед тем, как начать исследование политического курса СССР на практике, я бы хотел обратить внимание в этой связи на ряд конкретных аспектов.

Во-первых, рассматриваемое мировоззрение не является естественным для русского народа. В большинстве своем русский народ был настроен дружелюбно по отношению к внешнему миру, был заинтересован исследовать его, раскрывать имеющиеся у него таланты и больше всего желал жить в мире и пользоваться плодами собственного труда. Политический курс представляет собой лишь тезис, который официальный пропагандистский аппарат настойчиво выдвигает перед общественностью, зачастую оказывающей сопротивление. Но политический курс базируется на взглядах и

поведении людей, составляющих аппарат власти, — это партия, тайная полиция и правительство, и именно с ними нам приходится иметь дело. <...>

У истоков маниакальной точки зрения Кремля на международные отношения лежит традиционное и инстинктивное для России чувство незащищенности. Изначально это было чувство незащищенности аграрных народов, живущих на обширных открытых территориях по соседству со свирепыми кочевниками. По мере налаживания контактов с экономически более развитым Западом к этому чувству прибавился страх перед более компетентным, более могущественным, более организованным сообществом на этой территории. Но эта незащищенность внушала опасение скорее российским правителям, а не русскому народу, поскольку российские правители осознавали архаичность формы своего правления, слабость и искусственность своей психологической организации, неспособность выдержать сравнение или вхождение в контакт с политическими системами западных стран. По этой причине они все время опасались иностранного вторжения, избегали прямого контакта между западным миром и своим собственным, боялись того, что может случиться, если русский народ узнает правду о внешнем мире или же внешний мир узнает правду о жизни внутри России. И они искали пути к обеспечению своей безопасности лишь в упорной и смертельной борьбе за полное уничтожение конкурирующих держав, никогда не вступая с ними в соглашения и компромиссы. <...>

Джордж Кеннан. Фото: cont.ws

После установления большевистского режима догма марксизма, еще более агрессивно и фанатично звучащая в ленинской интерпретации, стала отличным проводником чувства незащищенности, которое укоренилось в умах большевиков прочнее, нежели у предыдущих российских правителей. В этой догме, основанной на альтруизме целей, они нашли оправдание своего инстинктивного страха перед внешним миром; диктатуры, без которой они не представляли себе управления государством; жестокости, без которой они не могли обойтись; жертвам, которые они считали своим долгом принести. Во имя марксизма они жертвовали любыми моральными ценностями в своих методах и тактике. Сегодня они не могут без этого обойтись. Это фиговый листок их моральной и интеллектуальной респектабельности. Без этого они бы предстали перед лицом истории в лучшем случае в конце длинной череды жестоких и расточительных российских

правителей, которые неумолимо подталкивали страну к достижению новых вершин военной мощи для того, чтобы обеспечить внешнюю безопасность своего слабого внутреннего политического режима. Поэтому советские цели всегда официально прикрывались той марксизма, и поэтому никто не должен был недооценить важность этой догмы в вопросах советской политики. Таким образом, советские лидеры вынуждены были из-за своего прошлого и настоящего выдвигать догму, которая рассматривала внешний мир как злобный, враждебный и грозный, но несущий в себе ростки медленно распространяющейся болезни и обреченный на полное разрушение из-за усиливающихся внутренних катаклизмов. Окончательный смертельный удар будет нанесен этому миру все более могущественным социализмом, и в результате он отступит перед новым и лучшим миром. Данный тезис несет в себе оправдание роста военной и политической мощи российского государства, внешней изоляции русского народа, а также постоянному расширению границ российской политической власти, что в целом составляет естественные и инстинктивные убеждения российских правителей. В своей основе это лишь продвижение вперед неустойчивого российского национализма — многовекового движения, в котором понятия наступления и обороны невероятно запутаны. Но в новом обличье международного марксизма, с его медоточивыми обещаниями доведенному до отчаяния и обессиленному войнами внешнему миру, эта догма представляется более опасной и коварной, чем когда бы то ни было. <...>

В атмосфере секретности и конспирации, царящей в правительстве, существуют безграничные возможности для искажения и фальсификации информации.

Недоверие русских к объективной правде — а точнее, отсутствие веры в ее существование — приводит к тому, что они расценивают представленные факты как орудие для поддержания той или иной тайной цели. <...>

В целом все советские усилия на неофициальном международном уровне будут по своему характеру являться негативными и разрушительными, предназначенными для уничтожения источников власти, находящейся вне советского контроля. В основе советского мировоззрения лежит идея о том, что не существует компромисса с государствами-соперниками и что конструктивная деятельность может начаться только тогда, когда коммунистическая власть станет доминирующей. Но за всем этим будет стоять упорное, непрекращающееся стремление к проникновению и управлению всеми ключевыми позициями в административном и в особенности политическом аппарате зарубежных стран. Советский режим является по своей сути полицейским режимом, берущим свое начало со времен царских политических интриг и привыкшим мыслить в первую очередь полицейскими категориями. <...>

Этот материал вышел в шестнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Внесен Минюстом РФ в реестр «иноагентов».